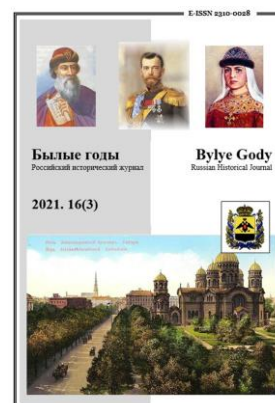

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1225-1232
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1225
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Russian-Chinese Borderlands and Frontier Migrations of the population in the XIX century

Bakyt Zh. Atantayeva ^{a, *}, Raushan D. Akhmetova ^a, Gulnur A. Abenova ^a, Toty A. Kariyeva ^a

^aShakarim University of Semey, Republic of Kazakhstan

Abstract

The research of the historical experience of population movements in border areas is based on an analysis of the causes and consequences of frontier migrations, which are the result of socio-economic and political changes in the Central Asian region during the period under study. This article analyzes the issues of changing the nature of frontier migrations in the border area of the Russian state and Qing China in the 19th century. The article presents documentary sources from the archives of some countries (Russia, Kazakhstan and Uzbekistan). These sources show that the rapprochement of the possessions of Russia with the possessions of the Qing Empire in Central Asia dictated the need to establish a clear Russian-Chinese border and clarify relations and priorities in the region. The article is based on a study of state treaties and agreements between the Russian Empire and Qing China. These treaties established the rules of trade in Central Asia, which determined the rules for crossing the border and processing trade documents. Some of the articles of the treaties concerned measures against illegal migrants.

An analysis of state treaties and agreements of the second half of the 19th century, including the St. Petersburg Treaty of 1881, as a result of which permanent nomadic routes and the resettlement of clans were disrupted, is important for understanding the meaning and directions of frontier migration of the region's population. In conclusion, the authors state that the specificity of frontier migrations of the population is due to the state division of border territories and the development of trade between two neighboring countries in Central Asia in the second half of the 19th century.

Keywords: migration, Russia, China, frontier, trade, Steppe General Governorship, Semirechye, Turkestan Territory.

1. Введение

Во второй половине XIX – первой половине XX вв. на территории Центральной Азии пересеклись интересы ряда держав по разделу колониальных владений. Войны, восстания, региональные конфликты, локальные столкновения порождали потоки беженцев в разных направлениях, причем следует отметить, что часто нарушались границы государств. Актуальность проблемы обусловлена перманентным характером нелегальной фронтальной миграции в Центрально-Азиатском регионе, провоцируемой очагами напряженности и политическими конфликтами.

В XIX веке регион был разделен между двумя империями: Россией и Цинским Китаем. Эти исторические события не только ограничили свободное продвижение жителей региона, но и поставили фронтальные миграции под их контроль. Более того, установление контроля этих двух империй в регионе изменило характер развития миграционного процесса в нем и этнический состав мигрантов.

* Corresponding author

E-mail addresses: batantaeva@mail.ru (B.Zh. Atantayeva)

2. Материалы и методы

Источниковой базой по истории фронтальных миграций послужили документы архивов Республики Казахстан, Российской Федерации и Республики Узбекистан.

В фондах Военного губернатора Семиреченской области Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 3, Д. 2298, Д. 2898, Д. 3257 и др.) и генерал-губернатора Степного края (ЦГА РК. Ф. 825. Оп. 1. Д. 53, Д. 10, Д. 12 и др.) сохранились документы об отношениях Российской и Цинской империй.

Документы из российских архивов, в частности Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), касаются подданных Цинской империи, самовольно откочевавших на территорию Российской империи (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 105, Д. 169). Кроме того, в архивных материалах Республики Узбекистан отложились документы о фронтальных миграциях XIX в. на границе Туркестанского генерал-губернаторства.

В статье основной упор при изучении причин и направлений фронтальных миграций делается на исторический подход, предложенный российским ученым В.А. Ионцевым (Ионцев, 1999). Американский историк Ф.Д. Тернер, известный как создатель «теории границ», рассматривает фронт как универсальное явление (Тернер, 2009). Данное исследование основано на современном понимании концепта «фронт» как характеристики территории, объединяющей разные социально-культурные традиции в их взаимодействии (Каппелер, 2003).

Следует отметить точку зрения историка С.Н. Якушенкова (Якушенков, 2018), который предлагает расширительное понимание фронтальной территории для анализа политических, экономических и культурных процессов в регионах, в том числе и фронтальных миграций.

3. Обсуждение

В трудах российских ученых Б.И. Ткаченко (Ткаченко, 2019), Е.Г. Темникова (Темников, 2007), И.Р. Хамзина (Хамзин, 2017) рассмотрены историко-правовые документы по территориально-пограничным вопросам, история разделения сопредельных земель Российской империи и Цинского Китая во второй половине XIX – начале XX вв.

Из научных трудов казахстанских ученых следует отметить монографии Н.Е. Бекмахановой (Бекмаханова, 1986) и Н.В. Алексеенко (Алексеенко, 1981), где затрагиваются некоторые аспекты миграций населения через анализ причин формирования полиэтничного состава населения Казахстана; публикации М.Б. Татимова (Татимов, 1978) – через изучение демографических процессов в стране.

В трудах профессора Г.М. Мендикуловой (Мендикулова, 2006) содержатся фактические данные, дополняющие сведения о фронтальных миграциях. В работах Ж.К. Касымбаева (Касымбаев, 1996), В.В. Галиева (Галиев, 2003), написанных с привлечением широкого круга источников, уделено внимание вопросам приграничной торговли и приграничных перемещений купцов. В монографии Г.М. Мендикуловой, Б.Ж. Атантаевой (Мендикулова, Атантаева, 2008) на основе архивных и документальных источников рассмотрены политические и социально-экономические аспекты развития, которые обусловили миграцию различных этнических групп населения между Россией и Китаем в XIX в.

4. Результаты

Важное значение в российской политике занимали вопросы, касающиеся территориального разграничения с сопредельными странами. Один из вопросов, который необходимо было решить на государственном уровне, касался нормализации русско-китайской торговли. В соответствии с торговым договором между Россией и Китаем от 25 июля 1851 г. (Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881 гг., 1889: 96-102) в Кульдже и Чугучаке открывались консульства России. Помимо Кульджи и Чугучака, русские купцы теперь могли ездить с товарами в Кашгар. Здесь русскому правительству также разрешалось учредить свое консульство, также назначался чиновник из Илийского главного управления, который вел и контролировал дела китайского купечества. В Трактате оговаривались и правила пересечения границы, которые устанавливали наличие определенных билетов для русских купцов.

Важным достижением межгосударственных отношений России и Китая является статья 9 вышеназванного Трактата, в которой провозглашено, что русские и китайские торговцы имеют право на свободное передвижение по торговым делам, однако для русских купцов были предписаны некоторые ограничения: они находились под контролем своего консула и могли передвигаться только при наличии специального билета (Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881 гг., 1889: 98-99).

Договор регламентировал политику двух государств в отношении нарушителей границы. В частности, обе стороны обязались не только помогать в розыске преступников, бежавших через государственную границу на территорию другого государства, но и при поимке беглецов передавать их той стороне, откуда они сбежали (Сборник договоров России с Китаем, 1689–1881 гг., 1889: 99).

Заключение Кульджинского договора, по мнению ученого Фу Чжен Куна (Фу Чжен Кун, 1999), имело важное значение как для русского, так и для китайского государства: Россия с его помощью надеялась обеспечить охрану границы, не допустить европейского влияния в этом регионе и

одновременно расширить взаимную торговлю через территорию Западного Китая. Китай был заинтересован в спокойной обстановке вдоль общей границы из-за ухудшения внешнеполитической ситуации после окончания опиумной войны с Англией, а также вследствие обострения внутренних противоречий он стремился к регулированию торговых контактов с Россией.

Пекинский договор, заключенный 2 ноября 1860 г., впервые закрепил разграничение территорий между Россией и Китаем. С точки зрения развития фронтальных миграций интерес представляет статья о перебежчиках из одного государства в другое, где отмечалось, что при обнаружении беженцев каждая сторона должна принять меры по возвращению их на территорию своего подданства, причем до передачи перебежчиков государству, подданными которого они являются (статья 10), обходиться с ними дружелюбно, обеспечивая питанием и в случае необходимости одеждой (*Русско-китайские отношения, 1689–1916, 1958: 47*). Данные статьи являются очень важными в отношении беженцев, так как любая сторона, где появлялись перебежчики, должна была принять все необходимые меры по возвращению их обратно.

В связи с тем, что в Пекинском договоре описание линии раздела граничащих земель было нечетким и, кроме того, по мнению командующего Илийским краем, многие из этих земель принадлежали Цинской империи, возникла необходимость новых переговоров, начатых в 1862 г. в Чугучаке. В письме надворного советника К. Струве генерал-губернатору Г.А. Колпаковскому (копии своих писем К. Струве отправил также командующему войсками Западной Сибири) сообщалось о волнениях местного казахского населения на русской территории, граничащей с Китаем (*ЦГА РК. Ф. 825. Оп. 1. Д. 5. Л. 4*). Далее он поставил под сомнение скорейшее решение вопроса о территориальных спорах между двумя государствами, хотя, как видно из депеши российского посланника в Пекин, китайское правительство смотрело на дело разграничения территории почти как на завершенное вследствие подписания и обмена протоколом (*ЦГА РК. Ф. 825. Оп. 1. Д. 5. Л. 6*).

От организации пограничной охраны двух государств зависели и перемещения населения с территории одного государства в пределы другого. В первое время количество постов на русской стороне было значительным, с китайской же стороны охрана границы была организована слабо. Впоследствии, с учреждением таможенного надзора, казачьи посты были сокращены, а китайские, наоборот, увеличены. Даже те российские посты, которые существовали на границе, были очень слабыми. Так, заведующий войсками Кульджинского района рапортом от 5 октября 1873 г. № 972 просил разрешения временно командующего войсками Семиреченской области снять выставленные в Боробогосунском и Талкинском ущельях наблюдательные казачьи пикеты ввиду того, что эти два пикета были не в состоянии контролировать приграничные с Кульджинским районом территории (*ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 6818. Л. 2*).

Далее в рапорте утверждалось, что в случае принятия решения о снятии пикетов участковым начальникам необходимо препятствовать барымте и грабежам, сформировать из «туземцев» конные разъезды под руководством специально выбранных благонадежных людей, которым участковые начальники должны объяснить цель образования данных патрулей. Если же Кульджинское военное начальство сочтет необходимым оставить Боробогосунский и Талкинский пикеты и, возможно, сформировать такие пикеты еще и в других местах, то следует обустроить быт данных пикетов в зимний период (*ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 6818. Л. 2-3*).

Если же, напротив, будет признано необходимым оставить Боробогосунский и Талкинский пикеты и еще выставить подобные же в некоторых других местах и со стороны Кульджинского военного начальства препятствий к этому не встретится, то «не откажите принять меры по возможно лучшему устройству быта этих пикетов в зимнее время» (*ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 20. Д. 6818. Л. 2-3*).

Оценивая обстановку в Западном Китае после подписания Чугучакского протокола 25 сентября 1864 г., необходимо было объяснить кочевникам, какие земли отошли к России. По этому поводу командующий войсками Западного сибирского военного округа генерал-лейтенант Хрущов в рапорте военному министру докладывал, что кочевые племена не разъединены между собой соответствующими пограничными линиями и вследствие этого никогда не смогут понять, в административном подчинении какого государства они находятся. В случае перекочевки родов может произойти их двойное налогообложение – как со стороны российского, так и китайского правительства, что приведет к возникновению между ними недоразумений и даже восстаний.

Эти и другие обстоятельства заставляют крайне желать установления такой границы, которая более бы соответствовала этнографическим условиям его населения (*РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 171. Л. 2-3*). Однако данное предложение, видимо, не было рассмотрено, поскольку военный губернатор Семипалатинской области генерал-майор Полторацкий чуть позже отмечал, что после подписания Чугучакского протокола осложнилось положение как самой администрации, так и приграничных родов. Перекочевки пограничных племен из одного государства в другое приводят к различным затруднениям в административном отношении, сборе налогов, судебных решениях и пр. Для населения возникает опасность платить двойные налоги и подчиняться двум разным законам.

В то же время в условиях несовершенства пограничной линии невозможно запретить перекочевки казахских родов из России в Китай и обратно, так как в противном случае будет подорван экономический быт и исконные обычаи местного населения. Предоставление им других

маршрутов кочевания внутри края также невозможно, так как это приведет к притеснению других родов (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 48. Л. 12).

В октябре 1865 г. генерал-губернатор Западной Сибири докладывал министру финансов о том, что «было бы достаточным иметь на первое время таможенные заставы в Кокпектах, Урджаре, Коксуйском поселении, укреплении Верном и наконец Аксу на восточной оконечности озера Иссык-Куль... Охранять же всю границу между этими таможенными заставами, особенно таможенную стражею из объездчиков, считаю неудобноисполнительным, потому в этом случае расходы на оную, вероятно, превзошли бы весь таможенный сбор» (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 27. Д. 716. Л. 3-4). Данное сообщение подтверждает тот факт, что установление определенного количества таможенных застав связано с государственными финансовыми средствами, которых не хватало в достаточном количестве для охраны границы.

Такое положение с охраной границ не изменилось и через несколько лет. В марте 1880 г. полковник штаба Туркестанского военного округа генерал-майор Мозель указывал на отсутствие укреплений вдоль приграничной линии: «...При составлении первого доклада об обороне Кульджинского района обратить внимание на слабые позиции Бахтинского отряда. Собственно позиции в политическом смысле на Бахтах такие: место это совершенно ровное, открытое, укреплений также нет никаких» (РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 117. Л. 57).

Заключенные с Китаем договоры нарушали традиционные кочевые пути российских подданных на приграничных территориях, что приводило к фронтальным перемещениям местного населения на территорию другого государства. Так, «в 1878 году около 9 тыс. казахов перекочевало из Российской империи на территорию Китая» (Benson, Svanberg, 1988: 113).

Командующий войсками А. Дюгамель в своем письме предлагал увеличить количество отрядов на приграничной территории с целью пресечения бегства на территорию Китая (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 48. Л. 52).

В 1864 г. дунгане, или турко-китайцы, в основном проживавшие в губерниях Шань-си и Гань-су на территории Северо-Западного Китая, подняли антицинское восстание (ЦГА РК. Ф. 825. Оп. 1. Д. 10. Л. 1), которое перекинулось в Синьцзян, населенный большей частью уйгурами, казахами, дунганями и киргизами. В такой обстановке правительства двух государств не имели возможности соблюдать достигнутые соглашения по ранее принятым договорам – Кульджинскому договору 1851 г. и Чугучакскому протоколу 1864 г.

Ряд договоров этого периода касался только торговых отношений: так, подписанные в апреле 1869 г. «Правила сухопутной торговли между Россией и Китаем» (Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881 гг., 1889: 211-216) являлись продолжением правил для сухопутной торговли, заключенных 20 февраля 1862 г. между обеими державами в виде опыта на три года, которые были дополнены по взаимному соглашению. Следует отметить статью 2 в контексте развития фронтальных миграций между Россией и Китаем, в соответствии с которой русские купцы имели право беспошлинно торговать на всех территориях, подвластных Китаю, с одним условием: у них должен быть разрешительный билет с указанием личных данных и количества товаров. В случае отсутствия билета товар подлежал конфискации, а купец должен был вернуться на территорию России.

В соответствии с Санкт-Петербургским договором от 12 февраля 1881 г. во владениях России оставалась часть Илийского края, населению которого предоставлялось право выбора российского либо китайского подданства. Предполагалось опросить жителей заранее, в подданстве какого государства они желают остаться, и не препятствовать им при пересечении пограничной территории (Русско-китайские отношения, 1689–1916, 1958: 55-56). Именно об этих переселенцах из Кульджи в Семиреченскую область шла речь в переписке, сохранившейся в архивохранилищах РГВИА (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 828. Л. 70-136).

Причем следует отметить, что российская администрация еще до подписания Петербургского договора ставила задачу узнать о настроении проживающих в крае людей. Так, полковник Генерального штаба Матвеев вместе с начальником войск Кульджинского района генерал-майором Левашевым посетил во второй половине февраля 1880 г. самую населенную часть Илийской долины, лежащую по обоим берегам р. Или, с целью выяснить мнение местного населения. Во время поездки они окончательно убедились в лояльности и преданности мусульман Кульджинского района России и в их враждебном отношении к китайцам (РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 112. Л. 191-192).

Несмотря на то, что китайские власти объявили амнистию беженцам, мусульманское население, опасаясь последующих преследований и наказаний, все же приняло решение воспользоваться правом выбора по статье 3 Петербургского договора и принять подданство России (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 3062. Л. 102). По подсчетам ученого Б.П. Гуревича, «было примерно 100 тыс. человек» (Гуревич, 1982), решивших переселиться на территорию России. После подписания Санкт-Петербургского договора специальная комиссия в период с августа по декабрь 1881 года включила в список желающих переселиться из Китая в Россию 10 тысяч юрт казахов, 11 365 семей уйгуров, 1 308 семей дунган (Мендикулова, 2006: 13).

Сохранившаяся в архивах переписка между Российской и Китайской администрациями подтверждает важность и сложность решения вопроса о побеге русскоподданного населения на

территорию Китая и возврате его на родину для обоих государств. Эти проблемы волновали не только приграничные власти. Российскую администрацию беспокоили побеги русскоподданных в связи с установлением спокойствия на границе. Думается, что вопрос еще был связан с тем, что уменьшалось количество податного населения. Ведь не зря с течением времени вопрос о бегстве русскоподданных «инородцев» в Китай вызывал серьезную озабоченность не только со стороны местной администрации, но и со стороны Степного генерал-губернаторства.

В ЦГА РК сохранились соображения и заключение министра внутренних дел статс-секретаря Плеве (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 3062. Л. 231-232) в отношении данного вопроса. Он считал, что фронтальные миграции объясняются особенностями ведения скотоводческого хозяйства, то есть поиском новых кочевий и родственными связями (так как часть родов в результате территориального раздела оказалась разделенной новой пограничной линией). Также Плеве отмечал, что перекочевавшие не понимают того, что все налоговые платежи за беглецов оплачивают их оставшиеся родственники (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 3062. Л. 231).

При этом министр внутренних дел выразил озабоченность по поводу исключения из российского подданства перекочевавшее население, при этом предлагал: прежде чем исключать из списков, проводить тщательное изучение тех признаков, которыми характеризуется откочевка в отличие от временной перекочевки (уничтожение землянок, продажа деревянных домов, уступка другим лицам сенокосов, пашен и т.п.). При этом нужно точно устанавливать действительное число перешедших в Китай на постоянное жительство (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 3062. Л. 232).

В документах Степного генерал-губернаторства, хранящихся в ЦГА РК, отмечается, что в 80-х гг. XIX века государственно-территориальное разграничение между Россией и Китаем было проведено без составления подробных карт пограничных территорий и практически не учитывало особенности территориального расселения кочевников, принявших подданство Российской империи. При проведении границы казахские роды были раздроблены, а часть их земельных наделов осталась на территории Китайской империи. Учитывая эти обстоятельства, в 1894 г. бывший степной генерал-губернатор подал прошение Министерству иностранных дел о необходимости исправления государственной границы между Западным Китаем и двумя областями – Семиреченской и Семипалатинской (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 3062. Л. 228).

Поскольку при разделе границы не были установлены новые специальные знаки (прежние приграничные знаки, по архивным материалам РГВИА, пришли в негодность (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3582. Л. 13-15), то были возможны переходы через границу как в одном, так и в другом направлении, что позволяло местному населению, как отмечает историк К.Ш. Хафизова, пользоваться своими прежними кочевыми маршрутами на китайской территории в Тарбагатайском и Илийском округах. Начиная с 1892 года, китайские власти стали препятствовать данным передвижениям, что отрицательно сказалось на жизнедеятельности казахов (Хафизова, 1990: 157). Об этом же писал в начале XX в. Н. Богоявленский, занимавший пост консула в Кульдже: «Киргизы издавна кочевали в степях Центральной Азии, занимая те земли, которые пересекает теперь граница, отделяющая Западный Застенный Китай от наших Семипалатинской и Семиреченской областей» (Богоявленский, 1906: 320).

Таким образом, основные причины, способствующие фронтальным миграциям приграничного населения между Российским государством и Китайской империей, к началу XX века так и не были устранены.

5. Заключение

Территориально-государственное разграничение земель между Россией и Китаем во второй половине XIX столетия привело к усилению фронтальных миграций приграничного населения обеих империй. Также основными причинами фронтальных миграций являлись обременение налогами за своих родственников, ушедших на территорию Китая, отмена которых неоднократно обсуждалась, но так и не была положительно решена вплоть до начала XX в. К тому же следует отметить, что приграничные переходы кочевого населения объяснялись ограничением возможностей кочевания в пределах Семиречья.

Государственные договоры второй половины XIX в. регулировали вопросы развития торговых отношений, с которыми связаны фронтальные перемещения торговых людей через границу. Данные приграничные переходы следует отнести к одному из типов фронтальных миграций, поскольку пребывание некоторых купцов на территории Китая длилось несколько месяцев: до тех пор, пока не будет продан товар. К тому же именно для купцов были предусмотрены билеты установленного образца с указанием товаров, срока пребывания на территории соседнего государства, где делалась специальная отметка о пересечении границы.

Несмотря на договоренности между Российской империей и Цинским Китаем во второй половине XIX в. по урегулированию границ и развитию торговых отношений, наряду с законными фронтальными миграциями населения, в рассматриваемый период наблюдались и незаконные фронтальные миграции. Необходимо отметить, что одной из причин незаконных фронтальных миграций было отсутствие пограничных знаков на приграничной территории, хотя договорами была

предусмотрена их установка. Как свидетельствуют архивные источники, на некоторых участках казахстанско-китайской границы разделительные знаки не были установлены даже к концу XIX в. В соответствии с договорами за незаконное пересечение границы предусматривалось наказание, которое осуществляло то государство, на чьей территории был пойман перебежчик.

Таким образом, анализ архивных и других документальных источников свидетельствует, что во второй половине XIX в. наблюдалась активная фронтальная миграция различных этнических и социальных групп населения между Россией и Китаем.

Литература

Алексеевко, 1981 – Алексеевко Н.В. Население дореволюционного Казахстана (численность, размещение, состав, 1870–1914 гг.). Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1981. 112 с.

Бекмаханова, 1986 – Бекмаханова Н.Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIX в. – 1917 г.). М.: Наука, 1986. 244 с.

Богоявленский, 1906 – Богоявленский Н. Западный Застенный Китай. Его прошлое, настоящее и положение в нем русскоподданных. СПб., 1906. 420 с.

Галиев, 2003 – Галиев В.В. Казахстан в системе российско-китайских торгово-экономических отношений в Синьцзяне (конец XIX – начало XX в.). Алматы: Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова МОН РК, 2003. 188 с.

Гуревич, 1982 – Гуревич Б.П. История «Илийского вопроса» и ее китайские фальсификаторы // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М.: Мысль, 1982. С. 423–459.

Ионцев, 1999 – Ионцев В.А. Международная миграция населения: теория и история изучения. М.: Диалог-МГУ, 1999. 370 с.

Капеллер, 2003 – Капеллер А. Южный и восточный фронт России в XVI–XVIII вв. // *Ab Imperio*. 2003. № 1. С. 47–64.

Касымбаев, 1996 – Касымбаев Ж.К. Казахстан-Китай: караванная торговля в XIX – начале XX вв. Алматы: Өлке, 1996. 206 с.

Мендикулова, 2006 – Мендикулова Г.М. Казахская диаспора: история и современность. Алматы: Реиз, 2006. 343 с.

Мендикулова, Атантаева, 2008 – Мендикулова Г.М., Атантаева Б.Ж. История миграций между Казахстаном и Китаем в 1860–1960-е гг. Алматы, 2008, 232 с.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

Русско-китайские..., 1958 – Русско-китайские отношения, 1689–1916. Официальные документы. М.: Издательство восточной литературы, 1958. 139 с.

Татимов, 1978 – Татимов М.Б. Развитие народонаселения и демографическая политика (Социально-философские аспекты системного изучения и комплексной разработки). Алма-Ата: Наука, 1978. 144 с.

Темников, 2007 – Темников Е.Г. Территориальный вопрос в межгосударственных отношениях России и Китая во второй половине XIX в. // *Ученые записки Казанского государственного университета*. 2007. Т. 149. Кн. 4. С. 203–209.

Тернер, 2009 – Тернер Ф.Д. Фронт в американской истории. Москва, 2009. 303 с.

Ткаченко, 2019 – Ткаченко Б.И. Формирование российско-китайской границы в документах XVII – начала XX веков // *Общество и государство в Китае*. 2019. № 3. С. 284–296.

Трактат..., 1889 – Трактат, заключенный между Россией и Китаем, о торговле в Кульдже и Чугучаке (25 июля 1851 г.) // *Сборник договоров России с Китаем, 1689–1881 гг.* СПб.: издание Министерства иностранных дел, 1889. С. 96–102.

Хамзин, 2017 – Хамзин И.Р. Россия и Китай: пространство межгосударственного взаимодействия во второй половине XIX – начале XX в. // *Документ. Архив. История. Современность*. 2017. № 17. С. 3–20.

Хафизова, 1990 – Хафизова К.Ш. Международные съезды как новая форма регулирования отношений между Россией и Китаем во второй половине XIX в. // *Из истории международных отношений в Центральной Азии*. Алма-Ата: Гылым, 1990. С. 153–176.

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

ЦГА РУз – Центральный государственный архив Республики Узбекистан.

Якушенков, 2018 – Якушенков С.Н. Внутренний фронт как фактор международных отношений // *THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture*. 2018. No. 3 (56). Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture. С. 125–133.

Benson, Svanberg 1988 – Benson, L., Svanberg, I. (1988). The Kazaks of China: Essays on an Ethnic Minority, Uppsala. 250 p.

References

- Alekseyenko, 1981** – *Alekseyenko, N.V.* (1981). Naselenie dorevolutsionnogo Kazakhstana (chislennost', razmeshchenie, sostav, 1870-1914 gg.) [The population of pre-revolutionary Kazakhstan (number, location, composition, 1870-1914)]. Alma-Ata: Science of the Kazakh SSR, 112 p. [in Russian]
- Bekmakhanova, 1986** – *Bekmakhanova, N.E.* (1986). Mnogonatsional'noe naselenie Kazakhstana i Kirgizii v epokhu kapitalizma (60-e gody XIX v. – 1917 g.) [The multinational population of Kazakhstan and Kyrgyzstan in the era of capitalism (60s of the XIX century – 1917)]. Moscow, 244 p. [in Russian]
- Benson, Svanberg, 1988** – *Benson, L., Svanberg, I.* (1988). The Kazaks of China: Essays on an Ethnic Minority, Uppsala. 250 p.
- Bogoyavlensky, 1906** – *Bogoyavlensky, N.* (1906). Zapadniy Zastennyi Kitai. Ego proshloe, nastoyashchee i polozhenie v nem russkopoddannykh [Western Wall China. Its past, present and the position of Russian citizens in it]. SPb, 420 p. [in Russian]
- Galiev, 2003** – *Galiev, V.V.* (2003) Kazakhstan v sisteme rossiisko-kitaiskikh torgovo-ekonomicheskikh otnoshenii v Sin'tszyane (konets XIX-nachalo XX v.) [Kazakhstan in the system of Russian-Chinese trade and Economic relations in Xinjiang (late XIX-early XX century)]. Almaty: Institut istorii i etnologii im. Ch.Ch. Valikhanova MON RK, 188 p. [in Russian]
- Gurevich, 1982** – *Gurevich, B.P.* (1982). Istoriya «Iliiskogo voprosa» i ee kitaiskie fal'sifikatory. Dokumenty oprovergayut. Protiv fal'sifikatsii istorii russko-kitaiskikh otnoshenii [The history of the «Ili question» and its Chinese falsifiers. Documents refute. Against falsification of the history of Russian-Chinese relations]. Moscow: Thought, pp. 423-459. [in Russian]
- Iontsev, 1999** – *Iontsev, V.A.* (1999). Mezhdunarodnaya migratsiya naseleniya: teoriya i istoriya izucheniya [International migration of the population: theory and history of study]. Moscow: Dialog-MSU, 370 p. [in Russian]
- Kappeler, 2003** – *Kappeler, A.* (2003). Yuzhnyi i vostochnyi frontir Rossii v XVI–XVIII vv. [Southern and Eastern frontier of Russia in the XVI-XVIII centuries]. *AbImperio*. 1: 47-64. [in Russian]
- Kasymbaev, 1996** – *Kasymbaev, Zh.K.* (1996). Kazakhstan-Kitai: karavannaya torgovlya v XIX – nachale XX vv. [Kazakhstan-China: caravan trade in the XIX – early XX centuries]. Almaty: Olke, 206 p. [in Russian]
- Mendikulova, 2006** – *Mendikulova, G.M.* (2006). Kazakhskaya diaspora: istoriya i sovremennost' [Kazakh Diaspora: History and Modernity]. Almaty: Reiz, 343 p. [in Russian]
- Mendikulova, Atantayeva, 2008** – *Mendikulova, G.M., Atantayeva, B.Zh.* (2008). Istoriya migratsii mezhdru Kazakhstanom i Kitaem v 1860-1960-e gg. [History of migrations between Kazakhstan and China in the 1860-1960s]. Almaty, 232 p. [in Russian]
- RGVIA** – Rossiiskii Gosudarstvennyi Voenno-istoricheskii Arkhiv [Russian State Military-Historical Archive].
- Russko-kitaiskie otnosheniya..., 1958** – Russko-kitaiskie otnosheniya, 1689-1916. Ofitsial'nye dokumenty [Russian-Chinese relations, 1689-1916. Official documents]. M.: Izdatel'stvo vostochnoi literatury, 1958. 139 p. [in Russian]
- Tatimov, 1978** – *Tatimov, M.B.* (1978). Razvitie narodonaseleniya i demograficheskaya politika (Sotsial'no-filosofskie aspekty sistemnogo izucheniya i kompleksnoi razrabotki) [Population development and demographic policy (Socio-philosophical aspects of systematic study and integrated development)]. Alma-Ata: Science, 144 p. [in Russian]
- Temnikov, 2007** – *Temnikov, E.G.* (2007). Territorial'nyi vopros v mezhgosudarstvennykh otnosheniyakh Rossii i Kitaya vo vtoroi polovine XIX v. [Territorial question in interstate relations of Russia and China in the second half of the XIX century]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta*. Volume 149. Book 4. Pp. 203-209. [in Russian]
- Turner, 2009** – *Turner, F.D.* (2009). Frontir v amerikanskoj istorii [Frontier in American History]. Moscow, 303 p. [in Russian]
- Tkachenko, 2019** – *Tkachenko, B.I.* (2019). Formirovanie rossiisko-kitaiskoj granitsy v dokumentakh XVII – nachala XX vekov [Formation of the Russian-Chinese border in documents of the XVII – beginning of the XX centuries]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*. 3: 284-296. [in Russian]
- Traktat..., 1889** – Traktat, zaklyuchennyi mezhdru Rossiei i Kitaem, o torgovle v Kul'dzhe i Chuguchake (25 myulya 1851 g.) [A traktat concluded between Russia and China, on trade in Kuldzha and Chuguchak (25 July 1851)]. Sbornik dogovorov Rossii s Kitaem, 1689–1881 gg. SPb.: izdanie Ministerstva inostrannykh del, 1889. pp. 96-102. [in Russian]
- Khamzin, 2017** – *Khamzin, I.R.* (2017). Rossiya i Kitai: prostranstvo mezhgosudarstvennogo vzaimodeistviya vo vtoroi polovine XIX-nachale XX v. [Russia and China: the space of interstate interaction in the second half of the XIX-early XX century]. *ARCHIVE. HISTORY. MODERNITY*. 17: 3-20. [in Russian]
- Khafizova, 1990** – *Khafizova, K.Sh.* (1990). Mezhdunarodnye s"ezdy kak novaya forma regulirovaniya otnoshenii mezhdru Rossiei i Kitaem vo vtoroi polovine XIX v. [International congresses as a new form of regulation of relations between Russia and China in the second half of the 19th century]. Iz istorii mezhdunarodnykh otnoshenii v Tsentral'noi Azii. Alma-Ata: Gylym. Pp. 153-176 [in Russian]

[TsGA RK](#) – Tsentral'nyi Gosudarstvennyi Arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State archive of the Republic of Kazakhstan].

[TsGA RUz](#) – Tsentral'nyi Gosudarstvennyi Arkhiv Respubliki Uzbekistan [Central State Archive of the Republic of Uzbekistan].

[Yakushenkov, 2018](#) – *Yakushenkov, S.N.* (2018). Vnutrennii frontir kak faktor mezhdunarodnykh otnoshenii [Internal frontier as a factor of international relations]. *THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture*. 3(56). Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture. pp. 125-133. [in Russian]

Российско-китайское приграничье и фронтальные миграции населения в XIX в.

Бакыт Жумагазиевна Атантаева ^{a, *}, Раушан Дюсенбековна Ахметова ^a, Гульнур Атымтаевна Абенова ^a, Тоты Амангельдыевна Кариева ^a

^a Университет имени Шакарима, Семей, Республика Казахстан

Аннотация. Изучение исторического опыта перемещения населения приграничных территорий основывается на анализе причин и последствий фронтальных миграций, являющихся результатом социально-экономических и политических изменений в Центрально-Азиатском регионе в изучаемый период. В данной статье рассматриваются вопросы, касающиеся изменения характера фронтальных миграций на границе между Российской и Цинской империями в XIX в. Представленные в работе документы из архивов ряда стран (России, Казахстана, Узбекистана) показывают, что сближение владений России с владениями Цинской империи в Центральной Азии диктовало необходимость установления здесь четкой русско-китайской границы и выяснения отношений и приоритетов в регионе. В исследовании проанализированы договоры и соглашения между Россией и Китаем, которые регулировали русско-китайскую торговлю в Центральной Азии, в результате чего принимались правила пересечения границы, процедура оформления торговых документов, договоренности о принятии мер в отношении незаконных мигрантов.

Исследование территориально-государственного раздела земель в Центральной Азии между Китаем и Россией согласно различным договорам и соглашениям второй половины XIX в., в том числе Санкт-Петербургского договора 1881 г., нарушившим постоянные кочевые маршруты, расселения родов имеет важное значение для понимания смысла и направлений фронтальной миграции населения края. В заключении авторы приходят к выводу, что специфика фронтальных миграций населения обусловлена государственно-территориальным разграничением и развитием торговых отношений в Центральной Азии во второй половине XIX в.

Ключевые слова: миграция, Россия, Китай, фронт, договоры, торговля, Степное генерал-губернаторство, Семиречье, Туркестанский край.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: batantaeva@mail.ru (Б.Ж. Атантаева)